

Я.В. Гуртовая

РУССКИЙ ОЧЕРК В ТУРГЕНЕВСКУЮ ЭПОХУ

Историки литературы более или менее единодушно сходятся на том, что истоки русского очерка следует видеть в двух наиболее значительных произведениях предромантической эпохи, с наибольшей полнотой отразивших новое отношение к действительности. Каждое из них по своей жанровой природе – несомненная «книга очерков». Это «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина и «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева. Несмотря на существенные отличия в идейных позициях обоих авторов, оба они выводят русский очерк на путь самостоятельности, и у каждого эта самостоятельность получает свою форму выражения.

И Радищев, и Карамзин вводят в литературу конкретные жизненные явления, но и в их отборе, и в трактовке и осмыслении явственно дали себя знать две тенденции, проявившие себя впоследствии на протяжении десятилетий развития и эволюции русской очерковой прозы. Для нас это особенно существенно потому, что Тургенев выступил продолжателем обеих этих тенденций. Радищев и Карамзин как бы задали два типа очерков, которые оставались господствующими в русской литературе на протяжении нескольких десятилетий. Это «путешествия», путевые очерки и письма. Строгой границы между ними никогда не было: уже Карамзин свои путевые очерки называл письмами. Но и различия между ними не следует игнорировать. Тургенев жанр путевого очерка, за единичными исключениями, не разрабатывал, что может показаться странным, если вспомнить, как много он путешествовал и как подолгу жил в разных странах. Зато форму писем он придавал своим очеркам часто и охотно.

И у Карамзина, и у Радищева первостепенное место занимает авторское «я», ни один из них не выступает сторонним наблюдателем, бесстрастным регистратором происходящего. Радищев писал: «Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала», а спустя полтора столетия наш современник и, в числе прочего, блестящий мастер очерка Ю. Черниченко так отозвался на эти слова: «Вся наша публицистика вышла из начальной фразы радищевского «Путешествия». В ней все: «я» – как право на суд; взгляд окрест – как мысль о человечестве; и душа – орган восприятия и сострадания» [Цит. по: 1 с. 178]. У Карамзина нет формулировки, которая была бы равна радищевской по силе, выразительности и лаконизму, но все три качества, названные Ю. Черниченко, в ней налицо.

В книге Радищева повествование ведется от имени гражданина, преисполненного негодованием, обличительным и освободительным пафосом. Но при всей своей значительности он по-своему односторонен. В книге Карамзина внимание повествователя обращено не к социальным вопросам, а к проблемам культуры, науки, искусства, к домашнему миру, окружающему личность, к сфере душевных интересов и потребностей. Оба подхода дополняли друг друга.

Радищев уделял преимущественное внимание общезначимому, порой в ущерб индивидуально-конкретной окраске. У Карамзина и новаторство и своего рода освободительный пафос выразились в раскрепощении мира человеческих чувств, связанных с индивидуально-конкретными, частными, бытовыми сторонами жизни. Широкий кругозор Карамзина, его умение видеть жизнь в различных проявлениях, отображать и теневые ее стороны – это умение было безнадежно утеряно его подражателями (П. Сумароковым, В. Измайловым, П. Макаровым, А. Муравьевым и др.). В их многочисленных «Путешествиях» жизнь рисовалась в пасторально-идиллических тонах.

Наряду с путевым очерком с второго десятилетия XIX века появляются и получают распространение и другие разновидности жанра. Бытовые очерки («Сборы на бал», «Невеста», «Первый выезд на бал», «Женские слезы» и др.) писал В.Ф. Одоевский. Все более заметное место завоевывает себе очерк нравоописательный, близко соприкасающийся с нравоописательным фельетоном. Этот жанр активно разрабатывал Ф.В. Булгарин. Он выпустил два сборника «Очерков русских нравов». В них налицо стремление охватить пестрый и многообразный мир современной действительности, продемонстрировать наблюдательность и знание жизни в ее различных проявлениях. Эти качества обеспечили очеркам Булгарина заметный успех у читателя, особенно у маловзыскательного, но в немалой мере обесценивались откровенной тенденциозностью и сервилизмом, которые автор и не умел, и не хотел скрывать.

Маленький человек сам по себе Булгарину не интересен, а нужен лишь для того, чтобы оттенить «блистательные стороны человечества». Один из выпусков «Очерков русских нравов» даже имел откровенный подзаголовок: «Лицевая сторона и изнанка рода человеческого». Бедные, обездоленные, несчастные «униженные и оскорбленные», как назовет их позднее Достоевский, – это «изнанка рода человеческого». А предмет любования автора, естественно, «лицевая сторона». Хотя очерки Булгарина были в художественном отношении явлениями низкопробными, они свидетельствовали о наличии определенных жизненных потребностей и стимулировали поиски других, более совершенных попыток их удовлетворить. В этом смысле можно проследить определенную связь между булгаринскими очерками и теми, которые были собраны Некрасовым в его «Физиологии Петербурга».

Этапным явлением в эволюции русского очерка стало «Путешествие в Арзрум» Пушкина. Здесь важно в первую очередь отметить широту взгляда и

подхода, многообразие явлений, которые становятся предметом изображения: русско–персидская война, быт и нравы разных народностей юга России и Закавказья, картины кавказской природы. Перед нами не восторженный и чувствительный путешественник, каких мы видели множество в произведениях подражателей Карамзина, а мыслитель, способный охватить множество тем и непринужденно переходящий от одной к другой.

Мы не располагаем никакими отзывами Тургенева о «Путешествии в Арзрум», но зная о его отношении к Пушкину, не приходится сомневаться в том внимании, с которым оно было им читано. Для Тургенева жанр путевого очерка совсем не характерен, но в относящейся к данной жанровой разновидности «Поездке в Альбано и Фраскати» налицо следы глубинного влияния или, по крайней мере, несомненного сходства с «Путешествием в Арзрум», сказавшихся именно в многотемности, введенной Пушкиным в структуру относительно небольшого произведения, разносторонности содержания, которое мы находим в обоих произведениях.

«Золотой век» русского очерка начинается с 1840–х гг., когда сформировалась и вышла на литературную авансцену натуральная школа. Писать этнографические очерки призывал ее ведущий идеолог Белинский. Даже Некрасов пишет в это время очерки. В сущности, натуральная школа начала свое существование с «физиологического очерка», составлявшего, особенно на первых порах самую сердцевину ее деятельности. Как справедливо отметил В.И. Кулешов, «именно очерк оказался самым мобильным жанром беллетристики, с которым школа выходила за рамки внутридворянской тематики» [4, с. 87].

И тематика, и стилистическая структура физиологического очерка была направлена против романтического индивидуализма. Преимущественное внимание переходит на среду, на обстоятельства, влияющие на формирование личности. Жизненные условия, воспитание, воздействие окружающих решающим образом влияют на характеристику героев. Если романтиков привлекали личности исключительные, то физиологический очерк изображает именно людей обыкновенных, людей из «толпы», обыденную жизнь представителей разных сословий: предпринимателей, чиновников, ремесленников, продажных женщин.

Физиологические очерки, как правило, лишены тщательно разработанного сюжета, их авторов интересуют в первую очередь социальное положение и профессиональная характеристика героя, для них характерны бытовые зарисовки, воспроизведение деталей обстановки, в которой происходит действие, в языковую ткань широко проникают профессионализмы, становящиеся важным средством характеристики персонажей.

Определяющей особенностью физиологических очерков было то, что их авторы сосредоточили преимущественное внимание на жизни «низших слоев» общества, на судьбе, быте и психологии «маленького человека» – на всем том, что прежде считалось едва ли не предосудительным для изображения в

литературе. Неудивительно, что демократическая направленность, неизменно дававшая себя знать в таких произведениях нередко сталкивалась с сопротивлением цензуры. Так, очерк А.П. Башуцкого «Водовоз» вызвал нарекания из-за открыто выраженного в нем сочувствия петербургским чернорабочим, доставлявшим воду на высокие этажи барских домов и высокомерного отношения «хозяев жизни» к простым честным труженикам.

Физиологический очерк открыл и новые объекты изображения действительности. Но типизацию его авторы, особенно на первых порах, понимали сужено, сосредоточившись на описаниях черт, привычек, образа жизни. Очерк эмпиричен и на глубину художественного анализа не претендует. В этих произведениях мало действия, т.к. все внимание приковано к «типам». Но эти типы не индивидуализированы, подобно Чацкому, Онегину и Печорину. Все внимание в физиологическом очерке переключено с героя на среду. Его авторов не беспокоит отсутствие динамики действия – им важно мастерство описания. Построение сюжета также на втором плане – главное, как описан «тип».

Сборнику очерков «Физиология Петербурга», изданному Некрасовым, была, как известно, предпослана статья Белинского. «Эта статья в нашем литературоведении справедливо рассматривается как один из программных документов натуральной школы, – напоминает Б.О. Костелянец, – но при ее истолковании упускают иногда из виду, что речь в ней идёт прежде всего об очерке <...> Когда критик говорил: «у нас совсем нет беллетристических произведений, которые бы в форме путешествий, поездок, очерков, рассказов, описаний знакомили с различными частями беспредельной и разнообразной России, но все эти задачи он ставил не перед “беллетристикой” вообще, а в первую очередь перед очерковой литературой» [3, т. 1, с.27].

При этом Белинский определял круг явлений, предназначенных для изображения в очерке, специфика которого виделась ему в преимущественном внимании к фактам и явлениям обыденной жизни, к «самым обыкновенным и вседневным предметам», но не к «вседневным предметам вообще», а именно к тем, которые придают народу «свою физиономию». К произведениям, в наибольшей мере отвечавшим этим требованиям, можно отнести такие физиологические очерки, как «Петербургский дворник» В. Даля, «Петербургские шарманщики» Д. Григоровича, «Петербургская сторона» Е. Гребенки и в особенности знаменитые «Петербургские углы» Н. Некрасова. В этих произведениях наиболее рельефно выявили себя такие признаки жанра, как нарочитый отбор темных, грязных, удручающих сторон жизни, тяга к детальным описаниям, нацеленность на разоблачение социальных язв, герой из низов, претерпевающий нужду и унижения и способный вызвать к себе сочувствие.

Преемственная связь между физиологическим очерком и «Записками охотника» отмечалась и анализировалась неоднократно, причем существует и такая, имеющая под собой определенные основания точка зрения, что эта связь

наиболее явно проявилась в «Хоре и Калиныче», а на протяжении дальнейшего создания цикла она сходит на нет или, по крайней мере, становится менее ощутимой. «Самый рассказ его „Хорь и Калиныч“, – писал А.Е. Грузинский, – заметно отличается от всех позднейших по манере. Вся суть очерка в характеристиках, ведущихся почти исключительно путем авторских описаний, включены бытовые особенности края (продажа кос и скупка „орлами“) без всякой связи с содержанием рассказа; эти особенности ставят первую попытку Тургенева в близкую связь с физиологическим очерком своего времени» [2, с. 62].

Развивая эту мысль А.Г. Цейтлин в своей известной, можно сказать, классической монографии «Становление реализма в русской литературе» [6] писал: «Написав “Хоря и Калиныча”, Тургенев в дальнейшем ограничивает себя жанровыми рамками рассказа» [6, с. 279]. Цейтлин приводит очень интересный документ, впервые опубликованный в 1923 г. А.И. Белецким, – список сюжетов задуманных писателем будущих физиологических очерков. Ни один из этих замыслов осуществлен не был, и Цейтлин дает этому вполне убедительное объяснение: «Для Тургенева физиологический очерк был слишком „сухим“ и объективным. Очерк давал слишком мало простора фантазии, лиризму, эмоциональности – всему тому, что было особенно дорого для автора „Фауста“ и „Призраков“» [6, с. 281].

Тургенев делает и другой значительный шаг вперед в сравнении с авторами физиологических очерков: он проникает не только в «пласты» русской жизни, но и в ее «оттенки». Как напоминает Б.О. Костелянец, «еще в одном направлении обогащает Тургенев „физиологический“ очерк, преодолевая тем самым его “физиологизм” и предвосхищая лучшие достижения очерковой литературы 60-80-х годов. Он вновь вводит в очерк образ повествователя» [3, т. 1, с. 35]. К этому следует добавить, что Тургенев расширяет и углубляет социальные и психологические характеристики изображаемых им типов. Когда авторы физиологических очерков, включенных в известный сборник «Наши, списанные с натуры» давали им такие названия, как «Водовоз», «Гробовой мастер», «Няня», «Знахарь», «Уральский казак», то уже в самих этих заглавиях был заложен ключ к их содержанию. Совсем другое дело – тургеневские названия «Бурмистр» или «Уездный лекарь». За ними кроется гораздо более широкий смысл, вызывающий аналогии скорее со «Станционным смотрителем» Пушкина.

В физиологических очерках Буткова, Даля, Панаева, Гребенки, авторская позиция находит выражение в отборе предметов изображения, в стремлении обнажить противоречия современной действительности, и образ рассказчика в них зачастую вообще отсутствует. Тургенев возвращает рассказчику надлежащее место в образной структуре произведения, но не для того, чтобы изобразить его впечатления и переживания, как это было в сентиментальных «Путешествиях», а для того, чтобы осветить изображаемое собственным взглядом и ввести его в общественный, социальный контекст.

Одновременно с Тургеневым свой тип очерка создает и Герцен – это очерк не столько беллетристический, сколько публицистический. Очерки, составившие его книгу «Письма из Avenue Marigny», рисуют драматические картины событий, происходивших во Франции, но переданы они так, чтоб рассказ о Европе помогал лучше понять Россию и создавал предпосылки для приговора, выносимого русским порядком.

С натуральной школой преемственно связаны и первые рассказы и очерки Льва Толстого. Эту связь безошибочно уловил Некрасов, который по прочтении «Рубки леса» написал Тургеневу: «Знаешь ли, что это такое? Это очерки разнообразных солдатских типов (и отчасти офицерских), то есть вещь, донныне небывалая в русской литературе, И как хорошо! Форма в этих очерках совершенно твоя, даже есть выражения, сравнения, напоминающие «Записки охотника», а один офицер – так просто Гамлет Щигровского уезда в армейском мундире. Но все это далеко от подражания, схватывающего одну внешность» [5, т. 9, с. 331]. А Чернышевский уловил те же качества в «Утре помещика», которое назвал «очерком сельских отношений» и в котором Толстой «обнаружил столько же наблюдательности и объективности, как в “Рубке леса”» [7, т. 4, с. 682].

По пути, проложенному очеркистами натуральной школы, вскоре двинулась мощная плеяда мастеров слова, продемонстрировавшая, какие поистине неисчерпаемые возможности таил в себе этот жанр. В 60-70-е гг. ее составляли Помяловский, Слепцов, Левитов, Решетников и, прежде всего Салтыков–Щедрин и Глеб Успенский. А с 80-х гг. появляются очерки Короленко, вписавшего в историю этого жанра новую и чрезвычайно ценную страницу. Лишь учитывая масштабы и значимость сделанного другими писателями, можно справедливо и по достоинству оценить очерки Тургенева.

Литература

1. Глушков Н.И. Очерковая проза / Н.И. Глушков. – Ростов : Изд-во ун-та, 1979. – С. 199.
2. Грузинский А. И.С. Тургенев. Личность и творчество / А. Грузинский. – СПб.: Грань, 1918. – 239 с.
3. Костелянец Б.О. Русские очерки / Б.О. Костелянец // Русские очерки. – М.: Гослитиздат, 1956. – Т. 1. – С. 27.
4. Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX века /
5. И. Кулешов. – М., Просвещение, 1982. – С. 87.
6. Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений : в 12 т. / Н.А. Некрасов. – М.: Гослитиздат, 1948-1952. – Т. 9 – 1950. – 840 с.
7. Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе / А.Г. Цейтлин // Русский физиологический очерк. – М. : Наука, 1965. – 320 с.
8. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений : в 16 т. / Н.Г. Чернышевский. – М. : Гослитиздат, 1939-1953. – Т. 4 – 1948. – С. 682.

Аннотация

Гуртовая Я.В. Русский очерк в тургеневскую эпоху.

Статья посвящена изучению русского очерка в тургеневскую эпоху. В первой трети XIX века культивируется путевой очерк. Но с выходом на литературную авансцену натуральной школы главное место занимает физиологический очерк. Стилистическая структура его направлена против романтического индивидуализма. Физиологический очерк изображает людей из толпы, обыденную жизнь разных сословий. Важной особенностью стало то, что преимущественное внимание авторы физиологических очерков уделяли маленькому человеку, быту и невзгодам существования социальных низов. Тургенев не только наследовал поэтику физиологического очерка, но обновлял её. Важным элементом этого обновления было введение в очерк образа повествователя.

Ключевые слова: очерк, жанр, личность, творчество, эпоха, тип.

Анотація

Гуртова Я.В. Російський нарис у тургенівську епоху.

Стаття присвячена вивченню російського нарису у тургенівську епоху. У першій третині XIX століття культивується шляховий нарис. Але з виходом на літературну авансцену натуральної школи головне місце займає фізіологічний нарис. Стилiстична структура його спрямована проти романтичного iндивiдуалiзму. Фiзiологiчний нарис зображує людей з натовпу, повсякденне життя рiзних станiв. Важливою особливiстю стало те, що переважну увагу автори фiзiологiчних нарисiв придiляли маленькiй людинi, побуту i незгодам iснування соціальних низiв. Тургенев не тiльки успадкував поетику фiзiологiчного нарису, а й оновлював її. Важливим елементом цього оновлення було введення в нарис образу оповiдача.

Ключові слова: нарис, жанр, особистість, творчість, епоха, тип.

Annotation

Gurtovaya Y.V. Russian essay in Turgenev's epoch.

The article is devoted to the studying of the russian essay in Turgenev's epoch. In the first third of the XIX century the itinerary essay was dominating. But when the natural school appeared at the literary proscenium the physiological essay took the main place. Its stylistic structure is directed against the romantic individualism. The physiological essay depicts people from the crowd, the everyday life of various classes. The important feature was that the writers of the physiological essay paid an absolute attention to a small man, to the existence and misfortunes of lower classes. Turgenev inherited not only the poetics of the physiological essay but he also renovated it. The important renovation was in its introduction of the image of narrator.

Key words: essay, genre, personality, creative activity, epoch, type.